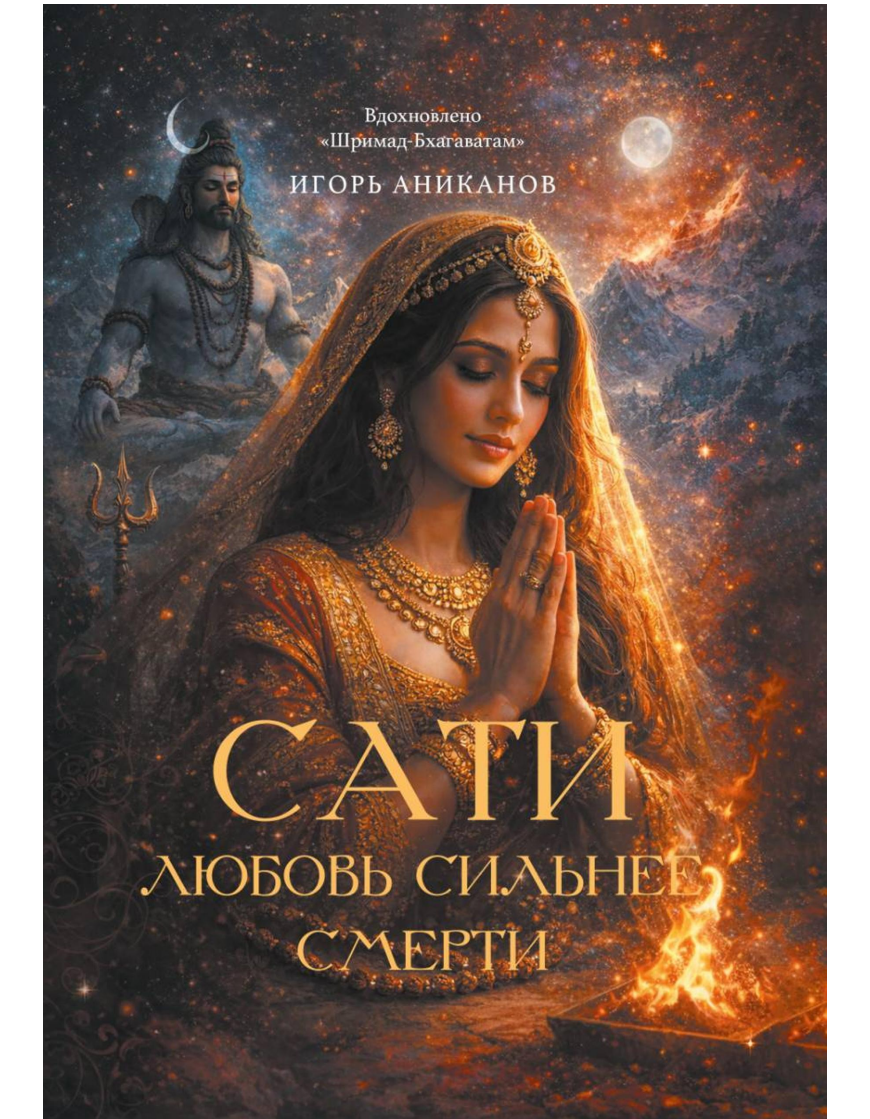

Вдохновлено
«Шримад-Бхагаватам»

ИГОРЬ АНИКАНОВ

САТИ

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ
СМЕРТИ

Игорь Аниканов

Сати. Любовь сильнее смерти

<https://litres.ru/74371302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вдохновлённая «Шримад-Бхагаватам», эта книга рассказывает историю Сати — дочери Дакши, выбравшей Шиву вопреки гордости отца и законам внешнего мира. Это роман о любви, верности, жертве, духовной силе и тайне возвращения. История Сати и Шивы раскрывается как живая драма сердца, в которой любовь проходит через огонь и оказывается сильнее смерти.

Содержание

САТИ. ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ	4
История Сати и Шивы	4
Содержание	5
От автора	7
Глава 1. Рождение той, кто выбрала любовь	10
Глава 2. Первое имя	13
Глава 3. Наставник и тайна	20
Глава 4. Сон, который был памятью	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Аниканов
Сати. Любовь
сильнее смерти

САТИ. ЛЮБОВЬ
СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

История Сати и Шивы

Книга вторая из серии «Вдохновлено Шримад-Бхагаватам»

Содержание

•

Акт I. Предзнаменования

—

Глава 1. Рождение той, кто выбрала любовь

— Глава 2. Первое имя

— Глава 3. Наставник и тайна

— Глава 4. Сон, который был памятью

•

Акт II. Выбор

— Глава 5. Собрание богов

— Глава 6. Первая встреча во плоти

— Глава 7. Гнев отца

— Глава 8. Проклятие и благословение

— Глава 9. Уход

•

Акт III. Кайлас

— Глава 10. Дорога на Кайлас

— Глава 11. Кайлас — обитель вечности

•

Акт IV. Оскорбление и огонь

—

Глава 12. Жертвоприношение, где гордость встретилась с вечностью

– Глава 13. Желание, ведущее к гибели

– Глава 14. Огонь, рожденный из любви

•

Акт

V

. Гнев, милость и круг любви

– Глава 15. Гнев, потрясший миры

– Глава 16. Путь к прощению

– Глава 17. Эпилог. Дочь Гималаев

От автора

Эта книга родилась из благодарности.

Прежде всего — из благодарности Шриле Прабхупаде, моему духовному дедушке, великому ачарье, который открыл миру сокровища «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам» и дал возможность миллионам людей соприкоснуться с живой традицией бхакти. Благодаря ему древняя ведическая мудрость перестала быть достоянием немногих и зазвучала как призыв, обращенный к сердцу каждого человека.

С глубокой любовью и благодарностью я склоняюсь перед Бхакти Тиртхой Свами — моим духовным отцом, чья жизнь, сострадание, смелость и преданность Богу стали для меня не только источником вдохновения, но и мерой искренности на духовном пути. Его пример учит, что подлинная духовность — это не холодное знание, а горячее сердце, способное любить, служить и жертвовать собой ради блага других.

Я также выражаю сердечную благодарность всем вайшнавам — преданным слугам Бога, которые с великим состраданием несут миру послание «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Именно благодаря таким людям духовное знание не остается на полках библиотек, а входит в жизнь, в судьбы, в борьбу, в надежду, в молитву. Их труд, их вера и их милость поддерживают этот мир сильнее, чем кажется на первый взгляд.

«Бхагавад-гита» — это не просто древняя книга. Это разговор Бога и человека в момент предельного внутреннего кризиса. Это откровение о душе, долге, свободе, любви и высшей цели жизни. «Шримад-Бхагаватам» — это зрелый плод ведической мудрости, великое повествование о Боге, Его преданных, о природе мира и о вечной связи души с Верховной Личностью. Если «Гита» дает направление, то «Бхагаватам» раскрывает вкус этого пути, его глубину, красоту и сердце.

История Сати и Шивы — одна из самых пронзительных и многослойных историй, дошедших до нас через ведическую традицию. В ней есть любовь и гордость, верность и трагедия, оскорбление и очищение, смерть и возвращение. Но прежде всего это история о том, что истинная любовь не укладывается в рамки внешнего расчета, статуса или семейной гордости. Это история о том, что любовь может пройти через огонь, через разлуку, через боль — и все равно остаться сильнее смерти.

Герои этой книги — не просто мифологические фигуры далекого прошлого. Дакша — это гордыня, уверенная в собственной правоте. Сати — это верность, чистота и сила любви. Шива — это величие, которое не нуждается в признании, и духовная глубина, которую невозможно понять взглядом извне. Их конфликт — не только древняя драма. Это зеркало, в котором и сегодня можно увидеть человека, общество, религию, семью и самого себя.

Эта книга не претендует на то, чтобы заменить священные тексты. Напротив, она лишь художественно прикасается к великому духовному наследию, вдохновленная «Шри-мад-Бхагаватам» и вайшнавской традицией. Мое желание состояло в том, чтобы сделать эту историю ближе сердцу современного читателя, не потеряв ее духовной высоты и внутреннего света.

Отдельно хочу выразить искреннюю благодарность Вячеславу Косинову, благодаря которому эта книга была напечатана. А также Евгении Сумеркиной — за верстку, тонкую работу над формой и создание общего дизайна книги. Иногда книга приходит к читателю не только через слово, но и через заботливые руки тех, кто помогает ей обрести достойное тело.

Пусть эта история напомним каждому из нас: любовь, рожденная не из прихоти, а из глубины души, не исчезает. Она проходит через испытания, очищается, возвращается и в конечном счете побеждает то, что кажется непобедимым.

С любовью и молитвой,

Юга-дхарма дас (Игорь Аниканов)

Акт

I

. Предзнаменования

Глава 1. Рождение той, кто выбрала любовь

Во дворце Дакши Праджапати с самого рассвета стояла та особая суэта, в которой земное старается выглядеть достойным небесного. Слуги бежали по длинным коридорам с подносами благовоний и гирляндами свежих цветов. Жрецы проверяли алтари для благодарственных обрядов. Медные сосуды звенели, словно сами предчувствовали, что этот день войдет в память не только семьи Дакши, но и времени.

В покоях Прасути было жарко от огня ламп и тревоги. Царица лежала, стиснув зубы, и изредка хваталась рукой за край ложа, будто так можно было удержать не боль, а судьбу. За тяжелыми занавесями шептались повитухи. За дверями — бесшумно ходили слуги. Снаружи дворец продолжал жить обычной жизнью, но в самой сердцевине этого великолепия уже открывалась дверь, которую не могут запереть ни власть, ни знатность.

Когда наконец раздался крик новорожденной, он оказался не похож на крик обычного младенца. Это был короткий, чистый звук, от которого в саду замолчали птицы. Ветер, шевеливший флаги над башнями, на миг стих. Даже облака, плывшие над дворцом, будто задержали дыхание.

— Дочь, — прошептала повитуха, принимая ребенка. Но уже в следующую секунду голос ее дрогнул. — О царица...

в ней есть что-то необычное.

Прасути протянула руки, и ей передали девочку, завернутую в тонкую ткань. Обычно новорожденные плачут, сжимаются, ищут грудь, но эта не плакала. Ее глаза были открыты. Не по-детски широко — спокойно, глубоко, будто из крошечного тела на мир смотрел кто-то слишком древний, чтобы удивляться рождению.

Прасути замерла.

Материнское сердце узнает дитя раньше ума. Но сейчас в ней поднялось чувство иное — не только любовь, но и трепет. Словно ей дали поддержать не младенца, а тайну, ненадолго принявшую человеческий облик.

— Позовите Дакшу, — сказала она едва слышно.

Дакша вошел почти сразу. Он всегда входил так, словно пространство должно было расступиться перед ним по праву рождения. Сын Брахмы, прародитель, законодатель, хозяин дворца, хозяин рода, хозяин своей репутации — все это было видно в каждом его шаге. Его лицо сохраняло величавое спокойствие, но в глубине взгляда еще жила одна невысказанная надежда: он ждал сына.

— Дочь? — спросил он.

Слово прозвучало ровно, но Прасути, прожившая рядом с ним долгие годы, услышала ту едва заметную трещину, которую не услышал бы никто другой.

Она не ответила. Только приподняла ребенка.

Дакша подошел ближе. На мгновение он смотрел на де-

вочку как на еще одно звено в цепи своего рода, как на то, что еще предстоит назвать, воспитать, направить, — и вдруг что-то в этом взгляде дрогнуло.

Младенец медленно поднял крошечную руку и коснулся его бороды.

Касание было почти невесомым. Но Дакше показалось, будто перед ним на мгновение разошлась тонкая завеса мира. Не видение — он не позволил бы себе такой слабости. Не чудо — он слишком дорожил рассудком и порядком, чтобы назвать это так. И все же на один удар сердца он ясно ощутил: эта девочка пришла не из его власти. Она не принадлежала его замыслам так, как принадлежали зал, слуги, жертвенники и почести.

И тогда имя пришло само.

Без совета жрецов. Без расчетов астрологов. Без обсуждения с Прасути.

— Сати, — произнес он.

В покоях стало очень тихо. Даже повитухи перестали шептаться.

— Ее будут звать Сати, — повторил Дакша, уже тверже, будто возвращая себе привычную власть над словом.

Истинная. Верная. Чистая.

Имя легло на ребенка так, словно не было придумано — лишь узнано. Будто кто-то шепнул его прямо в сердце гордому Праджапати, прежде чем он успел возразить.

Прасути посмотрела на дочь и тихо улыбнулась. Девочка

ответила не детской улыбкой, а каким-то почти неувлимым внутренним светом, от которого у царицы защемило сердце.

В тот же вечер над дворцом долго стоял необычайно ясный закат. Слуги говорили, что небо стало глубже обычного. Старые женщины на женской половине шептались, что в час рождения дочери Дакши над садом кружили белые журавли. Жрецы, сверяясь со звездами, находили благоприятные знаки один за другим.

И только сам Дакша никому не признался, что всю ночь не мог уснуть.

Ему снова и снова вспоминалось прикосновение маленькой руки к его лицу.

Слишком нежное, чтобы пугать. Слишком сильное, чтобы забыть.

Так в доме, где все держалось на порядке, родилась та, чья жизнь однажды покажет, что любовь сильнее порядка, сильнее гордости и даже сильнее смерти.

Глава 2. Первое имя

Сати росла не так, как растут дети в домах царей и мудрецов. Ее нельзя было назвать болезненной, капризной или упрямой. Напротив — она была тихой, ясной, почти безмятежной. Но именно это и тревожило взрослых. В ее тишине

не было детской пустоты. В ней было присутствие.

Когда ей исполнился год, старая служанка Каушалья, кормившая еще саму Прасути, однажды ночью выскочила из детской так, будто за ней гналась сама смерть. Утром, дрожа, она опустилась перед царицей на колени.

— Госпожа, я не смею лгать в таком деле.

— Тогда не лги, — тихо сказала Прасути. — Что ты видела?

Каушалья судорожно сглотнула:

— Девочка спала. Лампы почти догорели. И вдруг в комнате стало светло — не от огня, не от луны, не от факелов снаружи. Свет был мягкий, синий, как прохлада над рекой в полнолуние. И в этом свете я увидела... кого-то.

— Кого?

— Высокую фигуру. Волосы до плеч, может, ниже. Она стояла у колыбели и смотрела на госпожу Сати так, как мать не всегда смотрит на свое дитя. Я хотела закричать, но у меня не было голоса. А потом... эта фигура коснулась ее головы — и исчезла. А малышка улыбалась во сне. Так, словно узнала того, кто пришел.

Прасути велела никому не повторять этих слов. Но сама с того дня стала чаще заходить к дочери ночью. И не раз замечала, что рядом с колыбелью Сати воздух словно становится гуще — как если бы комната была мала для чьего-то незримого присутствия.

К двум годам девочка заговорила. И заговорила не так,

как ждут родители. Ее первые слова не были просьбами о молоке, не были именами матери или отца. Иногда она вдруг произносила звуки, похожие на древние мантры. Иногда пела, играя с лучом солнца на полу, и от ее тихого напева муравьи выстраивались кругом, будто слушали.

Однажды Дакша сам увидел это в саду.

Сати сидела возле муравейника и, наклонив голову, бормотала что-то себе под нос. Муравьи действительно шли вокруг нее ровным кольцом. Ни хаоса, ни суеты — только странное, почти торжественное движение.

— Сати, — позвал он, — что ты делаешь?

Она подняла на него огромные глаза, в которых было столько ясности, что Дакша всегда терялся на долю мгновения.

— Танцую с ними, отец.

— С муравьями?

— Они тоже слышат Его шаги.

— Чьи шаги?

Но девочка уже отвлеклась на бабочку, севшую ей на палец, и улыбнулась так, будто разговаривала с ней без слов.

К трем годам странностей стало больше. Другие дети бегали, ссорились, ломали игрушки и плакали из-за пустяков. Сати тоже играла — но ее любимой игрой было сидеть неподвижно под старым ашокой, закрыв глаза.

— Она опять играет в статую! — смеялись сестры.

Но слуги шептались об ином. Стоило ей усесться в этой

своей детской неподвижности, как на дерево слетались птицы. Павлины, осторожные и гордые. Лебеди с дворцового озера. Попугаи, начинавшие повторять не бытовые слова, а какие-то странные, текущие звуки. Даже ветер возле нее не свистел, а словно прислушивался.

Однажды садовник Бхарата, человек преданный, но не склонный к выдумкам, решил рассказать господину то, о чем молчал несколько дней.

— Ваша дочь необычна, — сказал он, низко опустив голову.

— Это я уже слышал, — сухо ответил Дакша. — Говори точнее.

— Я подрезал розы у дальней стены сада и увидел госпожу Сати. Она танцевала. Не по-детски. Спокойно, медленно. И вокруг нее... — он запнулся.

— Что вокруг нее?

— Тени, господин. Не одна. Не ее тень. Много. Как будто рядом с ней танцевали те, кого я не мог увидеть.

Дакша резко оборвал его, но с того дня начал следить за дочерью сам.

Когда Сати исполнилось пять, он нашел ее вечером в саду сидящей в позе лотоса. Солнце уже клонилось к закату. От земли поднимался запах нагретой травы и камня, а вокруг девочки витал еще один аромат — незнакомый, тонкий, холодноватый, как дыхание горных вершин после снегопада.

— Что ты делаешь? — спросил он на этот раз мягко.

— Слушаю.

— Что именно?

Сати открыла глаза. В них отразился закат, но казалось, что этот свет идет не снаружи, а изнутри.

— Имя, отец.

— Какое имя?

Она чуть склонила голову, будто сама прислушивалась к тому, что говорит.

— Оно повсюду. В листьях, в ветре, в воде, в груди. Словно мир дышит им. Ши... ва...

Имя прозвучало тихо.

Но в тот же миг цветы у дорожки как будто повернулись к ней. Вода в фонтане на короткое мгновение сбилась с ритма. В небе пролетела стая журавлей и выстроилась так странно, что даже Дакше почудился силуэт трезубца.

Он побледнел.

Не потому, что это имя было ему неизвестно. Напротив — слишком известно. Имя того, кто не жил по придворным правилам, не искал почета, не нуждался в одобрении, не вписывался ни в какую достойную форму, а потому раздражал его самой своей свободой.

— Никогда больше не произноси его, — сказал Дакша так резко, что служанка у дорожки уронила поднос с цветами. — Ты дочь Дакши. Твой путь — дхарма рода, а не безумие отшельников.

Сати опустила глаза.

— Хорошо, отец, — ответила она послушно.

Но в уголках ее губ мелькнула улыбка, от которой у Дакши стало нехорошо. Это была не улыбка непослушного ребенка. Это была улыбка сердца, уже услышавшего то, чего не развидеть и не разлюбить.

После этого случая он велел следить за ней и ночью.

Служанки рассказывали странные вещи: будто Сати во сне не бормочет, как дети, а отвечает кому-то; будто иногда смеется тихо и счастливо, словно беседует с тем, кого любит; будто в морозную ночь над ее ложем вдруг появлялись светлячки — сотни, и ни один не обжигался о пламя ламп.

Прасути пыталась успокоить мужа:

— Может быть, это благословение.

— Или предвестие беды, — мрачно отвечал он.

Шестым летом случилось то, о чем потом во дворце вспоминали шепотом. Стояла засуха. Колодцы пересохли, вода в прудах ушла, земля треснула. Люди копали новые ямы, но находили только сухую глину.

Сати долго смотрела на измученных работников, а потом подошла к одному из раскопов.

— Почему вы печальны?

— Потому что воды нет, маленькая госпожа.

Она присела на корточки и положила ладонь на сухую землю.

— Есть. Она спит. Надо позвать ее ласково.

Люди переглянулись. Кто-то улыбнулся. Кто-то перекре-

стился по-своему. Кто-то отвернулся, чтобы не обидеть девочку смехом.

Но Сати закрыла глаза и начала петь. Не песню — скорее звук, рождавшийся не в горле, а где-то глубже. Тонкий, ровный, почти невесомый. И все же в нем была какая-то властная нежность.

Под ее ладонью земля потемнела.

Появилась влага.

Потом струйка.

Потом — чистая, ледяная вода ударила из глубины с такой силой, что люди отшатнулись и закричали.

Когда прибежал Дакша, колодец уже наполнялся, а Сати стояла в стороне и, как ни в чем не бывало, смотрела на солнечный блик в воде.

— Что здесь произошло? — спросил он.

Ему ответили все сразу, перебивая друг друга.

Дакша долго смотрел на дочь, а потом сказал то, что говорят люди, когда душа уже знает, а гордость еще сопротивляется:

— Совпадение.

Но ночью он снова не спал.

А через два года, у вод Мандакини, случилось еще одно предзнаменование, о котором никто во дворце так и не сумел договориться, было ли оно игрой ребенка, милостью небес или предупреждением. Сати нашла в воде плод рудракши — странный, теплый, будто живой. Сестры испугались и веле-

ли бросить его обратно, называя знаком чужого пути. А Сати лишь сжала находку в ладони и застыла, словно слушала зов, идущий не от реки, а из самой глубины мира. Позже она не смогла толком рассказать, что увидела в тот миг. Только сказала Прасути:

— Иногда память приходит не в голову, мама. Она приходит в сердце.

И Прасути, прижав дочь к себе, впервые по-настоящему испугалась не за ее будущее, а перед ним.

Глава 3. Наставник и тайна

Годы шли, и Сати становилась не просто красивой — слишком легко было бы назвать ее только так. Ее красота не была в глаза, как драгоценный блеск. Она действовала иначе: рядом с ней людям хотелось выпрямиться, говорить тише, вспоминать о чем-то чистом, что они давно в себе забыли.

В движениях Сати не было выученной манерности, какой гордятся дворцы. Она шла так, будто земля сама охотно принимала ее шаг. Смотрела так, будто человеку перед ней дозволено быть увиденным глубже слов. И чем взрослее она становилась, тем сильнее Дакша ощущал то, что упорно не хотел называть страхом.

Он пригласил для дочери лучших наставников — зна-

токов грамматики, музыки, политики, астрономии, стихосложения, искусства беседы и философии. Он хотел, чтобы Сати была совершенна в рамках того мира, который считал единственно правильным. Но каждый учитель рано или поздно приходил к нему с одним и тем же выражением лица: смесь восторга, растерянности и смущения.

Учитель астрономии однажды сказал:

— Я показал ей карту неба, чтобы объяснить движение созвездий. Она не только указала три ошибки в моих расчетах, но и спросила, почему мы не учитываем те звезды, чье имя уже стерлось из памяти людей, но не из памяти неба.

Наставник по санскриту признался:

— Она читает так, словно вспоминает, а не учится. Вчера остановилась на строфе и сказала: «Здесь переписчик однажды испугался смысла и заменил слово». Я сверился со старой копией... она оказалась права.

Учитель музыки, человек тщеславный и обычно сухой, пришел однажды почти со слезами:

— Когда она берет вину, звук выходит не из струн. Такое чувство, будто сами звуки узнают ее и хотят служить ей прежде, чем успеют родиться.

Дакша слушал все это молча. Ему льстило, что его дочь превосходит других. Но чем чаще он слышал такие признания, тем меньше было в его гордости покоя.

К двенадцати годам у Сати обнаружили способности, которые уже нельзя было спрятать за словом «одаренность».

Она замечала чужую боль до того, как человек успевал пожаловаться. Ее прикосновение успокаивало горячку. Рядом с ней даже злые собаки клали голову на лапы, а тревожные кони переставали бить копытом.

Однажды во дворец привезли дикого слона — дар одного южного царя. Животное было в ярости, рвало цепи, ломало заграждения, калечило все на пути. Воины пытались обуздать его, но тщетно.

Сати вышла во двор, когда слон уже ревел так, что дрожали колонны.

— Отойдите, — сказала она.

— Госпожа, это опасно!

Она не спорила. Просто пошла вперед. Медленно. Спокойно. Будто не приближалась к бешеному зверю, а возвращалась к кому-то, кого знала давно.

Слон поднял хобот, готовясь к броску.

Сати протянула руку.

И огромный зверь вдруг замер. Потом тяжело опустился на колени. Его маленькие глаза, налитые бешенством, стали влажными. Он ткнулся лбом в землю перед девочкой, словно узнал в ней не хозяйку, а милость.

— Что ты сделала? — спросил потрясенный Дакша.

Сати обернулась:

— Напомнила ему, кто он есть, отец. Не гнев. Не плоть. Не страх. Душа, временно запутавшаяся в теле слона.

Такие ответы не должны были рождаться в юной девушке.

Но они рождались.

Особенно сильно ее притягивали беседы о природе Абсолюта. Там, где других интересовали ритуалы, она искала смысл. Там, где жрецы говорили о заслугах, она спрашивала о любви. Там, где мудрецы различали пути, она будто уже слышала их скрытое единство.

— Если душа вечна, почему человек живет так, будто завтра его не станет? — Если Господь исполнен совершенства, почему миру дозволено страдать? — Если в основе бытия любовь, почему гордость имеет над сердцами такую власть?

На подобные вопросы учителя либо отвечали слишком общо, либо уходили в цитаты, либо сердились. Один старый брахман после беседы с ней только вздохнул и сказал Дакше:

— Она мыслит не как ученица. Она мыслит как тот, кто однажды уже знал и теперь с трудом соглашается забывать.

Слова эти Дакше не понравились.

Он все чаще чувствовал, что дочь ускользает от него не телом, а внутренним движением. Как будто в ней действовал закон более древний, чем воля отца.

И тогда во дворец пришел Нарада.

Он появился, как всегда, не вовремя для спокойствия и вовремя для судьбы. Странствующий мудрец, любимый одними и опасный для других, вошел в дом Дакши с легкой улыбкой и глазами человека, который уже слышит шаги будущего.

Дакша принял его с почестями. Он не мог не принять. Но

внутренне насторожился с первой минуты.

— Я слышал, твоя дочь необычайно мудра, — сказал Нарада после приветствий. — Позволь мне побеседовать с ней не о науках, а о преданности.

Это была просьба, от которой нельзя было отказаться, не выставив себя мелочным и боязливым. Дакша согласился.

Когда Сати вошла в зал, Нарада на мгновение перестал улыбаться. В ее глазах он увидел не только ум. Он увидел узнавание — смутное пока, прикрытое человеческой юностью, но несомненное.

— Скажи мне, дочь Дакши, — начал он, — что есть высшая форма поклонения?

— Та, в которой поклоняющийся забывает о себе, — ответила Сати без колебаний, — потому что любовь становится важнее любящего.

— А кому следует поклоняться?

Зал затих. Дакша выпрямился на своем месте.

Сати опустила глаза. Казалось, она не подбирает ответ, а вслушивается в него, словно он поднимается откуда-то глубже памяти.

— Тому, чье имя звучит в каждом атоме мироздания, — произнесла она тихо. — Тому, кто остается свободным и в разрушении, и в созидании. Тому, чье отсутствие невозможно, даже если человек думает, что отверг его...

— Достаточно, — резко сказал Дакша.

Но Нарада поднял ладонь.

— Истина не устает с дороги, Праджапати. Пусть она договорит.

Сати подняла взгляд. И голос ее зазвучал уже не робко, а ясно, будто сама душа устала прятаться.

— Тому, кто носит луну в волосах. Тому, кто украшен змеей и не боится смерти. Тому, чье имя способно даровать освобождение. Махадеве. Шиве.

В светильниках вдруг вздрогнуло пламя. Воздух в зале стал плотнее. Где-то очень далеко, за пределами дворца, за пределами обрядов, за пределами человеческих представлений о приличии и статусе, тот, чье имя было произнесено, открыл глаза.

Дакша побледнел от гнева.

Когда Сати вышла, он резко повернулся к Нараде:

— Ты пришел смущать мой дом?

— Нет, — спокойно ответил мудрец. — Я пришел посмотреть, как река вспоминает океан.

— Она моя дочь.

— Телом — да. Но ее внутренний закон древнее твоего отцовства.

Нарада встал.

— Кто она? — спросил Дакша уже тише, будто сам не заметил, как выдал свой страх.

— Шакти, — ответил мудрец. — Энергия, ищущая свой источник. Ты можешь удерживать ее некоторое время страхом, именем рода, правилами и гневом. Но любовь сильнее

удержания. И когда она двинется к своему предназначению, горе тем, кто встанет на ее пути.

С этими словами он ушел, оставив в зале музыку своей вины и тревогу, которую нельзя было объяснить слугам.

Той ночью Сати не спала. Она стояла у окна, и луна светила так близко, что хотелось протянуть руку и коснуться ее холодного сияния.

— Кто ты? — прошептала она в темноту. — Почему мое сердце узнает тебя раньше, чем мой ум?

Ответа не было.

Только ветер донес странный аромат: кедр, камфора, снег, пепел и сандал.

Аромат высоты. Аромат одиночества. Аромат дома, в котором она никогда еще не была — и все же будто давно по нему тосковала.

И тогда Сати впервые испугалась не своего чувства, а его правоты.

Глава 4. Сон, который был памятью

После беседы с Нарадой ночь не пришла к Сати как отдых. Она пришла как испытание. Дворец давно уснул: лампы на женской половине коптили последним светом, шаги стражников доносились издалека глухо и равномерно, ветер

шуршал в кронах сада. А в ней самой все было неспокойно.

Слово «Шакти» не давало ей покоя.

Оно словно открыло в душе дверь, о существовании которой она раньше лишь догадывалась. За этой дверью стояла не мысль и не чувство, а память — огромная, медленная, как море подо льдом. Она еще не поднималась полностью, но уже двигалась где-то в глубине, ломая тонкие перегородки человеческой жизни.

Сати легла, закрыла глаза, попыталась сосредоточиться на дыхании. Вспоминала то, чему учили ее наставники. Считала удары сердца. Повторяла про себя имена Вишну, как делала с детства, когда хотела обрести покой. Но вместо покоя приходил один и тот же образ — тот, кому отец запрещал даже имя. Тот, кого она не могла объяснить и не могла забыть.

Когда сон наконец взял ее, он не был обычным сном.

Не было привычной путаницы лиц, случайных мест и бессмысленных событий. Было ощущение, будто она не уснула, а вошла куда-то. Будто завеса, которую днем держит тело, ночью просто стала тоньше.

Перед ней открылось пространство белое, холодное и бесконечно чистое.

Горы.

Снег лежал на них так спокойно, словно никогда не знал ветра. Воздух был прозрачен до боли. Тишина стояла такая, что в ней можно было услышать не только дыхание, но и саму мысль до того, как она станет словом.

Сати стояла босая на снегу и не чувствовала холода.

Впереди, на вершине, сидел Он.

Не как образ, пришедший из рассказов. Не как смутное видение детства. Реальнее камня, реальнее собственного тела.

Его волосы были собраны в тяжелую джату. На шее покоилась кобра, как послушная мысль, давно лишенная яда. Пепел покрывал его тело не мраком, а странным светом, будто все сгоревшее в мире когда-то искало покой на его коже. Рядом лежал трезубец. Не угроза — ось.

Но главным были глаза.

Полуприкрытые, тихие, они словно держали внутри себя небо, землю, рождение, гибель, одиночество, танец, сострадание и покой. Смотреть в них было страшно и сладко одновременно. Так, наверное, душа чувствует себя на границе между памятью и откровением.

Сати подошла ближе.

Ей не пришлось спрашивать, кто он. Это знание не пришло — оно просто раскрылось, как уже существующее.

Она опустилась рядом на снег и вдруг сказала то, чего не собиралась говорить:

— Я вернулась.

Слова прозвучали так естественно, будто она повторяла их не впервые, а в тысячный раз.

Он открыл глаза полностью.

В них не было удивления. Только нежность того, кто ждал

долго и не устал ждать.

— Ты всегда возвращаешься, — сказал он.

Голос был тихим. Но в нем было больше силы, чем в громе, который раскалывает горы.

— В каждой калыпе. В каждом круге творения. В каждом времени, когда миру вновь нужно вспомнить, что любовь — не украшение жизни, а ее сердцевина.

Сати смотрела на него и чувствовала, как в ней самой что-то начинает плакать — не от боли, а от узнавания.

— Почему я не помню? — прошептала она.

Он коснулся ее взгляда так мягко, будто это было прикосновение руки.

— Потому что память должна прийти не раньше любви, а вместе с ней. Если дать человеку вечность прежде времени, он не выдержит. Если открыть бездну прежде доверия, сердце испугается самой своей глубины.

— Кто я?

Он долго молчал. Не потому, что не хотел отвечать. Потому, что истины иногда нельзя вложить в слова без того, чтобы не обеднить их.

— Ты та, без кого мое молчание не стало бы песней, — сказал он наконец. — Та, без кого сознание не имело бы движения, а сила — смысла. Ты — моя Шакти. Моя вечная спутница. Моя утраченная и обретаемая вновь.

Сати закрыла глаза.

И тогда увидела — не ясно, не до конца, а как через воду:

танец среди звезд; огни миров, рождающихся и гаснущих; собственные руки, но не в этом теле; его лицо, склоненное к ней в иных временах; разлуки, слишком длинные для одной жизни; встречи, слишком святые для случайности.

Она открыла глаза в слезах.

— Значит, все это уже было?

— И будет, — ответил он. — Но не бойся этого. Вечность не повторяет себя механически. Она любит. А любовь всегда узнает любимого как впервые.

Сати хотела спросить о многом. Почему между ними всегда стоит мир. Почему путь к нему пролегает через запрет отца. Почему в ее сердце столько нежности и столько страха одновременно.

Но прежде, чем она успела заговорить, он поднял руку и коснулся ее лба.

Не плотью — светом.

Этот свет не ослеплял. Он входил в нее, как входит утро в дом, где всю ночь горела лампа.

— Помни не умом, — сказал он. — Помни сердцем. Ум будет спорить, бояться, искать причины. Сердце узнает без доказательств.

В этот миг гора, небо, тишина и сам он вдруг начали растворяться. Не исчезать — уходить туда, где человеческому сну не удержать их надолго.

— Нет, — выдохнула Сати.

Он улыбнулся.

И в этой улыбке было обещание сильнее всякой клятвы.

— Я рядом даже тогда, когда ты думаешь, что одна.

Она проснулась резко, с именем на губах.

За окном уже светало. Над садом бледнела последняя звезда. На щеках у Сати были слезы. Сердце билось так, словно она действительно только что вернулась из долгой дороги.

Она села на постели и долго не могла пошевелиться.

Сон был слишком ясен, чтобы назвать его только сном. Память — слишком глубока, чтобы признать ее простой фантазией. Любовь — слишком жива, чтобы уместить ее в запрет.

— Шива, — прошептала она снова, уже не задумываясь, услышит ли кто-нибудь.

И впервые это имя не показалось ей чем-то найденным. Оно было возвращенным.

За дверью слышались шаги служанки. День звал ее обратно — к урокам, к обязанностям, к взглядам отца, к миру, который еще требовал притворяться дочерью только одного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.